Въ слободѣ Венгеровкѣ, Обоянскаго уѣзда, на людяхъ появилась болѣзнь *брюшной тифъ*, отъ котораго заболѣло 32 человѣка, изъ нихъ 6 человѣкъ умерло.

Объ этомъ даю знать чинамъ ввѣренной мнѣ полиціи для принятія предохранительныхъ мѣръ, на случай появленія этой болѣзни въ городѣ Курскѣ и слоб. Ямской.

ИЗЪ ЗАЛЫ СУДА.

Вечеромъ 22 іюня 1889 года, къ проживающей въ г. Курскѣ на Бѣлой горѣ, въ домѣ Денисова, крестьянкѣ Настасьѣ Павловой Коробковой пришла въ пьяномъ видѣ знакомая ей женщина Раиса Петровна Соколова, и съ дозволенія Коробковой, осталась у ней ночевать. Проснувшись передъ разсвѣтомъ слѣдующаго дня, Настасья Коробкова увидала, что Соколовой въ квартирѣ ея уже не было и что висѣвшія на стѣнѣ той комнаты, въ которой спала Соколова, вещи: новое ситцевое платье, головной шерстяной платокъ, старая ситцевая юбка, дѣтское розовое платье, дѣтскій фартукъ и холщевой мужской фартукъ, стоившіе рублей семь, изчезли. Ворота были заперты, а потому Соколова уходя отъ Коробковой перелѣзла черезъ плетень. Коробкова тотчасъ же отправилась разыскивать Соколову и нашла ее въ Ямской пригородней слободѣ съ мѣшочкомъ, въ которомъ оказалось старая юбка и платье и дѣтскій фартукъ, пропавшія у Коробковой; остальныя же вещи Соколова успѣла продать въ Ямской слободѣ крестьянкѣ Пелагеѣ Антоновой Гнѣздиловой увѣривъ ее, что вещи тѣ ея собственныя. Спрошенная въ качествѣ обвиняемой Раиса Петрова Соколова признала себя виновною въ кражѣ вещей у Коробковой и объяснила, что совершила эту кражу въ пьяномъ видѣ, что уходя отъ Коробковой она перелѣзла черезъ плетень и что Гнѣздиловой она продала вещи за свои собственныя. Изъ приложенныхъ къ дѣлу справокъ о прежней судимости Соколовой видно, что она въ совершеннолѣтнемъ возрастѣ была наказана по приговорамъ мировыхъ судей три раза за кражи и одинъ разъ за покушеніе на кражу. Поэтому Соколова была предана суду съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, на основаніи вердикта которыхъ, судъ постановилъ: крестьянку села Воробьевки, Чермошанской волости, Курскаго уѣзда, Раису Петрову Соколову 40 лѣтъ лишить всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и заключить въ тюрьму на одинъ годъ съ послѣдствіями по 48 ст. улож. о нак.

—

— Крестьянинъ Казацкой слободы, Курскаго уѣзда, Фома Никитинъ Шмахтинъ часовъ въ 6 пополудни 10 мая 1888 года, отправился въ лѣсъ близь слободы Казацкой, чтобы встрѣтить свою жену, рвавшую тамъ щавель. Около лѣса его встрѣтили неизвѣстные ему два человѣка, ѣхавшіе верхами; они схватили его, нанесли ему побои по лицу, головѣ, спинѣ и животу, сняли съ него, когда онъ находился еще въ сознаніи, шапку, поддевку и сапоги и, услыхавъ затѣмъ пѣсню подходившаго къ мѣсту преступленія человѣка, съ отнятыми вещами скрылись. Избитый Фома Шмахтинъ лежалъ на землѣ. Къ нему подошелъ Василій Даниловъ Нечаевъ, по уличному Курасовъ и спросилъ у него „кто это лежитъ". На это Шмахтинъ сказалъ „Вася возьми меня!" Но Нечаевъ его не взялъ и ушелъ. Въ лѣсу Шмахтинъ пролежалъ до 13 мая и только въ этотъ день онъ добрался до Казацкой слободы откуда тогда же былъ отправленъ въ земскую губернскую больницу.

Объяснивъ вышеизложенное на предварительномъ слѣдствіи, Фома Шмахтинъ разсказалъ, что напавшіе на него въ лѣсу были одѣты въ поддевки, сапоги и картузы, оба они были русые, безъ бородъ, одинъ изъ нихъ былъ курчавый, одному было лѣтъ 25, другому 19. При предъявленіи затѣмъ Фомѣ Шмахтину 15 октября Николая и Михаила Егоровыхъ Волобуевыхъ онъ призналъ въ нихъ лицъ напавшихъ на него въ лѣсу и отнявшихъ у него имущество.

Но указанный Фомою Шмахтинымъ свидѣтель Василій Даниловъ Нечаевъ показанія Шмахтина не подтвердилъ, объяснивъ, что 10 мая 1888 года, онъ въ лѣсу близь слободы Казацкой, Фому Шмахтина избитымъ не видалъ.

Въ больницѣ Фома Шмахтинъ пробылъ съ 13 мая по 13 іюня. При вступленіи въ больницу у него были кровоподтеки вокругъ глазъ, ссадины на спинкѣ носа, на правой ушной раковинѣ и задней поверхности шеи и многочисленные кровоподтеки, различной величины на спинѣ, плечахъ и ногахъ. Въ легкихъ особенно на задней поверхности ихъ было ослаблено дыханіе, доходившее въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до полнаго изчезновенія и распространенные влажные хрипы.

Причиненныя Фомѣ Шмахтину поврежденія врачъ Янцевичъ и врачебное отдѣленіе отнесли къ разряду легкихъ; причемъ послѣднее выяснило, что Фома Шмахтинъ былъ боленъ воспаленіемъ легкихъ, не грозившимъ опасностью его жизни и не имѣвшимъ связи съ причиненными ему погрежденіями.

Николай и Михаилъ Егоровы Волобуевы виновными себя въ ограбленіи Фомы Шмахтина не признали, показавъ въ оправданіе свое, что они Фомы Шмахтина совсѣмъ не знаютъ и что Шмахтинъ оговариваетъ ихъ несправедливо. На основаніи вердикта присяжныхъ засѣдателей, судъ постановилъ: крестьянина слободы Казацкой той же волости Курскаго уѣзда, Николая Егорова Волобуева 19 лѣтъ и рядоваго 8 гренадерскаго Московскаго полка изъ крестьянъ слободы Казацкой той же волости, Курскаго уѣзда, Михаила Егорова Волобуева 21 года, считать по настоящему дѣлу оправданными по суду.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Въ субботу, 7 октября, въ курскомъ общественномъ клубѣ состоялось общее собраніе. Собраніе было посвящено обсужденію вопроса объ экономическомъ положеніи клуба. Въ сжатомъ докладѣ старшина клуба Н. А. Малышевъ, указавъ, что доходъ клуба все болѣе и болѣе падаетъ и что клубъ при такихъ условіяхъ не можетъ продолжать существовать въ настоящемъ его положеніи, предложилъ членамъ клуба принять, для упорядоченія экономической стороны, слѣдующія мѣры: предложить городской думѣ сбавить арендную плату за помѣщеніе на 1000—1500 р. или же перемѣнить помѣщеніе и коснуться въ нѣкоторой части благотворительнаго фонда клуба. Гг. Мосоловъ, Гусаковскій и Шуба находили, что перемѣщеніе клуба потребуетъ затратъ на мебель, драпировку, люстру, канделябры и пр., что благотворительнаго фонда менѣе всего слѣдуетъ касаться, такъ какъ клубъ связанъ съ нимъ нравственнымъ долгомъ, и что необходимо выбрать комиссію для представленія общему собранію клуба обстоятельнаго доклада объ экономическомъ положеніи клуба. Общее собраніе приняло предложеніе о сбавкѣ арендной платы за помѣщеніе и избрало комиссію для составленія доклада; въ составъ комиссіи вошли: гг. Гусаковскій, Мосоловъ, Поповъ, Чичинадзе и Шуба. Вотъ постановленіе общаго собранія. Мы, съ своей стороны, вполнѣ присоединяемся къ нему. Въ самомъ дѣлѣ, что необходимо общему собранію? Обстоятельный докладъ, изъ котораго члены могли бы видѣть корень упадка клуба, и выяснивъ себѣ упадокъ дохода по отдѣльнымъ рубрикамъ, общее собраніе въ состояніи будетъ изыскать тѣ или другіе способы къ увеличенію дохода по нимъ. Да такъ и несомнѣнно будетъ. Далѣе, несомнѣнно, какъ это вѣрно замѣтилъ г. Гусаковскій, клубъ болѣе не привлекаетъ общество: гдѣ теперь постоянный оркестръ клубный, музыкальные вечера, шумные семейные вечера и маскарады? Оркестра нѣтъ, музыкальныхъ вечеровъ не бываетъ, семейные вечера какъ бы предназначены для поста и только маскарады разъ, два блеснутъ яркой звѣздочкой. Откуда же будетъ притекать доходъ? Далѣе, клубъ несомнѣнно воспользуется съ благодарностью предложеніемъ г. Мосолова объ уничтоженіи строго оплачиваемой должности секретаря (1000 руб.), въ виду его согласія на исполненіе этой должности безвозмездно.

ОСВОБОЖДЕНІЕ КРЕСТЬЯНЪ ВЪ КУРСКОЙ ГУБ.

Продолженіе. *)

Глава семнадцатая.

Община.

По словамъ одного изъ членовъ комитет. Васьянова—а съ принятіемъ одного изъ двухъ принциповъ—личнаго или общиннаго, должны получить опредѣлительныя очертанія наружный видъ и внутренность воздвигаемаго комитетомъ зданія новаго устройства отношеній между помѣщиками и крестьянами».

Васьяновъ, въ своемъ мнѣніи, представленномъ вниманію комитета излагаетъ свой взглядъ (и взглядъ единомышленныхъ съ нимъ членовъ) *на русскую хозяйственную общину* и грядущую ея роль.

Планъ мнѣнія Васьянова слѣдующій:

1) Настоящее положеніе крестьянской общины,

2) Происхожденіе общиннаго землевладѣнія.

3) Послѣдствія, которыхъ можетъ ожидать отъ общины устройство будущаго экономическаго быта и

4) Къ чему поведетъ принятіе вмѣсто общиннаго—личнаго принципа.

По словамъ Васьянова въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, за исключеніемъ весьма немногихъ имѣній, торговыхъ и промышленныхъ, оброчныхъ по преимуществу, хозяйственная крестьянская община, т. е. общинное пользованіе землею (кромѣ лишь выгоновъ да въѣзжихъ лѣсовъ) и круговое поручительство въ Курской губерніи не существовало. Каждый домохозяинъ отвѣчалъ только лично за себя; въ случаѣ несостоятельности онъ поступалъ въ разрядъ *бобылей*, или дворовыхъ, а участокъ его передавался другому домохозяину или присоединялся къ господскимъ полямъ. Подати каждый платилъ лишь за себя и недоимка (казенная) всегда пополнялась изъ экономіи, а не дополнительнымъ сборомъ съ крестьянъ. Однимъ словомъ при дробности владѣній совѣстливое пониманіе дѣла владѣльцемъ и здравый смыслъ крестьянина не признавалъ иной формы отвѣтственности, кромѣ личной. Въ имѣніяхъ промысловыхъ и торговыхъ, гдѣ доходы помѣщика и крестьянина извлекаются не изъ земледѣлія, а изъ другихъ условій мѣстности, или изъ болѣе ими менѣе выгоднаго приложенія къ нимъ капитала и личной оборотливости крестьянина и гдѣ вслѣдствіе этого учетъ получаемой прибыли крестьяниномъ для владѣльца становится затруднительнымъ и почти неуловимымъ, утвердилась и поддерживалась крестьянская община съ круговою порукою за всѣхъ членовъ своихъ передъ владѣльцемъ. Если обратимся къ прошедшему, говоритъ Васьяновъ, и станемъ въ немъ доискоться причинъ, обусловившихъ происхожденіе *хозяйственныхъ общинъ* и неразлучнымъ съ ними круговымъ поручительствомъ, то увидимъ, что главнѣйшими изъ нихъ были: малолюдность страны и недостатокъ мѣръ къ огражденію личной безопасности, побуждавшія населеніе соединиться въ большія слободы, при чемъ неминуемо возникало и общее пользованіе отдаленными отъ жилья угодьями, бездоходность земледѣлія, при чемъ болѣе вѣрной порукой въ поступленіи повинностей къ помѣщику и правительству была община... Одной изъ причинъ образованія общинъ была невозможность съ точки зрѣнія правительственной и даже помѣщичьей во времена *шатанія народнаго* (какъ живописно выражались лѣтописцы) услѣдить за каждою отдѣльною личностью и за исполненіемъ ею обязанностей, почему и вся отвѣтственность за неисправныхъ должна была тяжелымъ гнетомъ ложиться на состоятельныхъ хозяевъ, получавшихъ въ замѣну сего право едва не *живота и смерти* надъ тѣмъ, за которыхъ заплатили они подати. Послѣдствіями таково обветшалаго порядка представляются несоразмѣрно низкіе казенные и владѣльческіе доходы, равнодушіе полезной дѣятельности и предпріимчивости даже у лучшихъ изъ членовъ хозяйственной общины, увѣренныхъ, что всѣ плоды ихъ трудовъ и бережливости могутъ разомъ сдѣлаться добычею нѣсколькихъ безразчетныхъ *тунеядцевъ*, съ завистью впередъ расчитывающихъ на чужое добро и сосѣдскую казну. При общинномъ владѣніи поля ежегодно передѣляются, а потому и не пользуются достаточнымъ

*) Продолженіе. См. № 76 Курск. Губ. Вѣд.